

Аржаных Т. Ф. Литературная элита в процессах социально-культурной модернизации России 1830—1850-х годов: основные идентификационные характеристики и особенности статусно-ролевого позиционирования / Т. Ф. Аржаных // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 164—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-164-174.

Bazhenova, T. E. (2017). Literary Elite in Processes of Socio-Cultural Modernization of Russia in 1830—1850: Main Identificational Features and Peculiarities of Status and Role Identification. *Nauchnyy dialog*, 5: 164-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-164-174. (In Russ.).

УДК 94(47)“1830/1859”:316.663:316.343.652

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-164-174

Литературная элита в процессах социально-культурной модернизации России 1830—1850-х годов: основные идентификационные характеристики и особенности статусно-ролевого позиционирования

© Аржаных Татьяна Федоровна (2017), orcid.org/0000-0001-7051-2800, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (филиал в г. Иваново) (Иваново, Россия), maler37@mail.ru.

SPIN-code: 1409-7580

Исследуется процесс формирования основ самосознания и атрибутивные характеристики гуманитарно-художественной интеллигенции России 1830—1850-х годов. Рассматриваются специфические черты особой межсословной группы интеллектуалов интеллигентской рефлексии. Автор выделяет в качестве узловых моментов, предопределивших судьбу дореволюционной отечественной интеллигенции в целом, самоидентификацию дворянской интеллектуальной элиты вне рамок государственной службы и способ самовыражения в литературе. Отмечается выраженная корреляция между развитием общественной мысли и литературой, характерная для XIX века. Особое внимание уделено осмыслению инновативной роли литературной элиты в процессах социально-культурной модернизации. Задачи исследования предопределили особый пласт исследовательского анализа: изучение языковых конструкций и речевых практик — дискурсов, бытовавших в среде образованных сообществ в 1830—1850-е годы. Анализируются общественно-политические

и психологические факторы, повлиявшие на выбор аксиологических смыслов и поведенческих стереотипов различных референтных групп литературно-художественной и историософской направленности. Социально-философский анализ духовного опыта русской культуры позволил выявить особый феномен интеллектуальной истории — созерцательно-философский языковой социокод и вариации коммуникативно-познавательного отношения к миру российских интеллектуалов. Русская доминанта общественного сознания исследуется как социальное явление и объективный репрезентант реальных культур. Коннотативные, дополнительные смыслы антитезы «Россия — Запад» рассматриваются в контексте постановки национального вопроса в философской вариации и персональных ассоциаций авторов психоментальных моделей миропостроения.

Ключевые слова: модернизация; интеллигенция; литература; Россия.

1. Дискуссионные вопросы интеллектуальной истории России в историографическом контексте и проблемном поле гуманитарных изысканий

Социальное содержание истории постигается в том числе через изучение культурно-антропологического контекста. Он включает сложный симбиоз аксиологических смыслов и поведенческих стереотипов различных референтных групп, интегрированных в социокультурные рамки определённого темпорального измерения. Проблематика социального детерминизма культурно-исторических процессов всесторонне исследована в трудах А. Я. Гуревича, подчёркивавшего необходимость понимания истории культуры как истории человеческих свершений, развития и трансформации человеческой личности» [Гуревич, 1988, с. 56—70].

Следует отметить сильную корреляцию между развитием общественной мысли и литературой начиная с XIX века. В борьбе за умы людей дворянская интеллектуальная элита создавала информационные коды (конкурирующие с официальными идеологемами), а литература стала формой актуализации пассионарных модернизационных проектов. Нетривиальный взгляд на политический дискурс Николаевской эпохи представлен в монографии американского специалиста по истории и культуре России XIX века Н. В. Рязановского [Riasanovsky, 1976].

Сюжеты, связанные с изучением деятельности интеллигенции в сфере государственной и политической жизни, рассмотрены в исследовании П. В. Акульшина [Акульшин, 2001]. Общие тенденции и механизмы внедрения в общественное сознание теории «официальной народности» стали предметом всестороннего анализа в работе А. Л. Зорина [Зорин, 2004].

Оригинальная интерпретация отечественной интеллектуальной традиции представлена в трудах зарубежных исследователей. Историк польской и русской философии Анджей Валицкий к доминантам мифотворчества русских интеллектуалов относит «секуляризованный миллениаризм», или

квазирелигиозный поиск земного рая [Валицкий, 1991, с. 144—165]. Немецкий филолог-славист Людольф Мюллер указывает на эсхатологические устремления «образованного меньшинства» в вариациях «религиозного пиетизма» либо «социального утопизма» [Сазонова, 2002, с. 185—188].

Среди современных тенденций развития гуманитарного знания — возникновение так называемой текстоцентристской ориентации в изучении эпохи. В лингвокультурологических исследованиях язык интерпретируется как социальное явление и объективный репрезентант реалий культуры [Шаклеин, 2012].

Вышеизложенные позиции свидетельствуют о том, что изучение интеллектуальной истории дореволюционной России представляется актуальным и перспективным направлением исследовательского поиска. Трудности осмысления феноменов культуры XIX столетия связаны с особенностями нынешнего российского общественного сознания, во многом оставшегося маловосприимчивым к духовному наследию прошлого. Подобное положение объясняется фальсификацией и мифологизацией дискурсивного опыта предыдущих поколений. Анализ духовного наследия представителей русской культуры нужен для преодоления деформаций и разрывов исторического сознания. В этом контексте оправдан интерес к общественным исканиям и нравственным идеалам представителей ушедшей эпохи: эксплицируя опыт осмысления социокультурных проблем, возможно раскрыть причины перемен и потрясений в XX веке, а также понять тенденции новейшего времени.

Данная статья имеет своей целью исследовать процесс формирования основ самосознания и основные атрибутивные характеристики гуманитарно-художественной интеллигенции 1830—1850-х годов.

2. Методологические дискурсы исследовательского анализа процессов социокультурной модернизации в дореволюционной России

В свете заявленных антропологических, культурологических и социально-исторических подходов методологические принципы феноменологии, разработанные Эдмундом Гуссерлем, открывают новые горизонты изучения идейных исканий XIX века. По Э. Гуссерлю, в жизненном мире субъекта заключён горизонт всех его целей, планов, интересов. Интенциональные горизонты, сопутствующие всякому переживанию действительности, включают множество ненаполненных «пустых интенций». Их наполнение сопровождается рефлексией субъекта в процессе совпадения созерцаемого и подразумеваемого. Гуссерль обращает внимание на раз-

личие адекватной и аподиктической очевидности, которые соответствуют эмпирическому и априорному уровню сознания, а значит, и двум этапам феноменологической редукции — эйдетической и трансцендентальной [Гуссерль, 1998, с. 15—55]. Социокультурные процессы динамичны и не могут исчерпываться методами линейного анализа. В этом смысле изучение феноменов сознания фокусирует внимание исследователя на смысложизненных ориентирах личности, её мировоззренческих паттернах. Сквозь призму феноменологической методологии социокультурные изменения воспринимаются как продукт времени и интеллектуальных усилий социальных страт, групп и индивидов.

Деятельность интеллигенции как субъекта общественного влияния носит идеократический характер (то есть направлена на реализацию отношений управления) и связана с информационной борьбой за культурно-идеологическое лидерство. Погружение исследователя в герменевтический круг «автор — текст — познающий субъект» позволяет лучше уловить дух времени и обнаружить полилог социальных общностей. В таком аспекте методология герменевтики также уместна для продуктивного исследования феноменов культуры, и в связи с этим интерес представляют работы российского исследователя Л. И. Кабановой [Кабанова, 2011].

Изучение интеллигенции как историко-культурного феномена нуждается в комплексном системном подходе, который учитывает нелинейность социальных процессов и динамичность аксиологических установок в социуме. С позиций современных методологических стратегий к истории российского общества применим политологический и культурно-типологический анализ, что подразумевает исследование идеологического и духовного колорита эпохи.

Перекрестный анализ источников важен для выявления достоверности фактов, событий и биографических обстоятельств участников интеллектуальной части социума. Изучение эвристического потенциала научной литературы по изучаемой проблематике — необходимое условие для осмысления уже имеющихся изысканий и выявления новых направлений исследовательского поиска.

Задачи исследования предопределили особый пласт исследовательского анализа: изучение языковых конструкций и речевых практик — дискурсов, бытовавших в среде образованных сообществ в 1830—1850-е годы. Сам принцип анализа структур общественного сознания, формировавшихся вокруг специфической художественной деятельности по созданию литературных «продуктов», представляется оправданным в силу «литературоцентричности» русской культуры XIX века в целом. В данной статье

уточняются и дополняются сложившиеся в науке взгляды о мировоззренческих константах и особенностях социально-культурного позиционирования интеллектуалов интеллигентской рефлексии.

3. Особенности социально-культурного позиционирования и атрибутивные мировоззренческие характеристики гуманитарно-художественной элиты России 1830—1850-х годов

Исследователь российской и мировой общественной мысли XIX—XX столетий С. М. Усманов обращает внимание на дефиницию «хронотопа модернизации» известного итальянского культуролога Витторио Страды, позволяющую учитывать не только количественные показатели модернизационных процессов, но и качественные характеристики в зависимости от времени и места протекания [Усманов, 2014, с. 25—26]. Данный подход представляется продуктивным и исключает возможные методологические пороки, связанные со стремлением опереться на монистический дискурс при изучении историко-культурных феноменов.

Россия времен Николаевского царствования находилась в фарватере консервативных преобразований, когда охранительные тенденции во многом определяли характер правительственной политики. Контуры социального порядка задавала триада «Православие, Самодержавие, Народность». Структурные элементы «теории официальной народности» вполне соответствовали социальной иерархии в имперской России и учитывали исторические традиции формирования властной вертикали. Вне всякого сомнения, религиозная легитимация власти — исконный вектор развития российской государственности. С другой стороны, центральное положение концепта «Самодержавие» в триединой конструкции означало особую смысловую нагрузку. Сакральная ответственность власти перед народом явственно проступала через официальный литературный дискурс. Таким образом, правительственной национальной доктрине принадлежала особая роль в становлении идеологического пространства, где вызревали проекты модернизационных изменений.

Если говорить об особенностях менталитета людей Николаевского царствования, то для многих из них значимой мировоззренческой установкой было осознание национального своеобразия и особого предназначения России и её культуры. «Русскость» как особенность сознания интеллигентов XIX века отражает этнодемографические реалии того времени. В процентном соотношении к началу девятнадцатого века русские составляли 53 % от всего взрослого населения страны, украинцы — 21, 8 %, белорусы — 8 %. Таким образом, три восточнославянских этноса вмещали в себя

более 82 % населения царской России. Приверженцы православной веры были самой большой конфессиональной группой, в 1815 году составившей $\frac{3}{4}$ населения [Каппелер, 2000, с. 67—88]. В употреблении понятий «русский» — «российский» не было контекстуальной системности. Это подтверждает эпистолярная корреспонденция современников Николаевской эпохи. В одних случаях они причисляли себя к «русскому царству», в других — обозначали вполне конкретно свою национальную принадлежность. Эпитет *русский* в современных исследованиях уместно использовать вне привязки к этнической или религиозной составляющей.

Обращение к корням и истокам — одна из особенностей интеллектуальной работы представителей классической поры отечественной культуры. Внешние формы копирования западных образцов поведения (в том числе совершенный французский язык как важная составная часть представительского имиджа дворянской элиты) для такой социальной группы, как интеллигенция, не столь важны. Интенсивные поиски архетипических образцов народности означали стремление восстановить глубинную связь «русских европейцев» с духовным наследием России. Установка на целостное мировоззрение, обогащённое знанием почвенной изначальности, связывалась со стремлением к преодолению разрыва религии и секуляризованной культуры. «Русская» тема в литературе, живописи, театральном и музыкальном искусстве стала ответной реакцией творческой элиты на интервенцию европейских стандартов в полилоге традиций и инноваций.

Информационные коды, инкорпорированные в литературные произведения, формировали особые коммуникативные связи на основе общих интересов и надсловных связей. Самоидентификация рефлексирующей аристократии происходила в границах литературного мира. Очевидно, что ценностные ориентации русской интеллигенции (на начальном этапе её существования) были связаны с дворянской субкультурой. Дворянство как ведущая социальная группа XIX века было ориентировано на многосторонний гуманистический идеал, основанный на идее служения государству и верности отечеству. Литература стала областью духовной деятельности привилегированного дворянского сословия и питательной средой просветительских инициатив и реформаторских проектов интеллектуалов-новаторов.

Академик российской академии художеств и ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания О. А. Кривцун обращает внимание на коллизии в сознании многих представителей светского «бомонда», связанные с противоречивостью восприятия людей умственного труда: «Сохранилось любопытное свидетельство о том, что дворянин И. С. Тургенев, ощущая все еще двойственное общественное мнение

по поводу литературных гонораров, бравировал в светских салонах, утверждая, что не унизит себя, чтобы брать деньги за свои сочинения, что он их дарит редакторам журнала. <Так Вы считаете позором сознаться, что Вам платят деньги за Ваш умственный труд? Стыдно и больно мне за Вас, Тургенев>, — упрекал писателя В. Г. Белинский» [Кривцун О. А.].

Культурно-психологическое позиционирование разночинцев и дворян в литературе — малоизученная тема. Разночинцы существовали и в XVIII веке, и ранее. Но только в 1830—1840-е годы у них появляется возможность обосноваться в литературе, поскольку в это время складывается литературная профессия, дающая средства к существованию. Существенную роль в становлении литературного профессионализма играли литературные салоны. Дворянская аристократия была доминирующей группой в пространстве салонной культуры. Но особая интеллектуальная атмосфера конкурентного общества, где мера таланта и уровень мастерства требовали постоянного подтверждения, размывала кастовость литературных элит. С развитием книжной и журнальной индустрии стало возможным присутствие в литературном мире представителей других сословий. «Комплекс аутсайдеров» предопределил особенную активность разночинцев в литературе: им приходилось осваивать типы социальной коммуникации и формы общественных объединений, созданные ранее в среде дворянства.

Групповая самоидентификация в кружках и салонах как характерная черта поведенческой парадигмы интеллигенции объясняется ещё и особенностями мировоззрения российского дворянства. Секуляризация как процесс освобождения сознания от сакрального паттерна затронула прежде всего аристократический слой как наиболее интегрированный в европейскую культурную среду. Ориентированные на европейские просветительские идеи, «русские европейцы» верили в прогресс, торжество гуманизма и разумное преобразование действительности. Снижение уровня однородности базовых структур сознания объясняет двойственность ценностных оснований многих представителей ведущей социальной группы дореволюционной России. Бинарная оппозиция между секулярными и религиозными признаками самоидентификации актуализировала поиск особого пространства когнитивных смыслов. Литературная среда становится культурным контекстом интеллектуально-духовной инициативы людей, чьё сознание вмещало в себя вышеозначенное двойное поле противоречий.

4. Заключение

В классических философских системах репрезентация интерпретируется либо как пассивное отражение материального объекта, либо как аб-

солютный продукт деятельности самодифференцирующегося сознания. То есть предполагается значение репрезентации как правомочного представительства и историчность возникновения её прогностической функции. Созерцательно-философский языковой социокод — особый феномен интеллектуальной истории рассматриваемого периода. Коннотативные, дополнительные смыслы официальной идеологии «Православие, Самодержавие, Народность» были обусловлены социокультурными значениями и персональными ассоциациями авторов психоментальных моделей миропостроения.

В предреформенные годы многих российских интеллектуалов отличало стремление осмыслить духовно-мифологические основания национального бытия и перспективы органического вектора в развитии российской государственности. При всех различиях философских воззрений западников и славянофилов объединяла идея комплементарности русской и западноевропейской культур и речевая объективация сознания и мышления.

Впрочем, славянофильству и западничеству не следует приписывать идейное лидерство в литературной жизни Николаевской эпохи. Реальный идеологический контекст был полифоничен и включал в себя целый спектр когнитивных вариаций коммуникативно-познавательного отношения к миру, формировавшихся в культурно-системных группах литературно-художественной и историософской направленности.

Существенным моментом, вплетенным в ткань дореволюционной интеллектуальной истории, стал инверсионный поворот литературы к участию в общественной жизни и особое информационно-символическое позиционирование просвещённой бюрократии и художественной элиты. Литература транслировала реформаторские модернизационные проекты и одновременно была формой общественного сознания. Вышесказанное вовсе не означает, что в XIX веке все мыслящие люди ушли в литературу и стали рефлексировать. Хотя, безусловно, рефлексия — феномен особого интеллигентского мироотношения. Для интеллигенции важным является индивидуально-репрезентативная реализация личности, о чём мы писали ранее [Аржаных, 2013, с. 107—113]. Автономность интеллигента является следствием специфики его труда и связана с задачами культивирования идей, направленных на реформирование жизни. Сложившаяся в 1830—1850-х годах при Николае I правомерная бюрократическая монархия с иерархической вертикалью отношений управления практически не оставляла места для экзистенциалистского персонализма, что почти неизбежно приводило к эскапизму и окраинному позиционированию интеллигентов во властных структурах. Очаговый характер общественной жизни времён

Николаевского царствования объясняется не только крайностями психологической интроспекции и дистанцирования от официально-казённой социальности, в которую не всегда вписывались интеллектуалы интеллигентской рефлексии. Литературный модус информационной борьбы за умы людей позволял соперничать между собой социальным группам с различными идейными предпочтениями и установками.

Литература

1. *Акульшин П. В.* Власть и общество в дореформенной России / П. В. Акульшин. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 240 с.
2. *Аржаных Т. Ф.* Власть и образованное общество в России 1830—1850-х годов : литературный фарватер взаимоотношений / Т. Ф. Аржаных // Социум и власть. — 2013. — № 5. — С. 107—113.
3. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии / А. Валицкий // Параллели : (Россия — Восток — Запад) : альманах философской компаративистики. — Москва : Философское общество СССР, институт философии АН СССР, 1991. — Вып. 1 — С. 144—165.
4. *Гуревич А. Я.* Историческая наука и историческая антропология / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. — 1988. — № 1. — С. 56—70.
5. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Э. Гуссерль. — Санкт-Петербург : Наука ; Ювента, 1998. — 315 с.
6. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой половине XIX века / А. Л. Зорин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2004. — 416 с.
7. *Кабанова Л. И.* Герменевтическая методология исследования феноменов современной культуры / Л. И. Кабанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 8 (14), Ч. IV. — С. 74—77.
8. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя : Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. — Москва : Традиция—Прогресс, 2000. — 344 с.
9. *Кривцун О. А.* Художник в истории русской культуры : эволюция статуса [Электронный ресурс] / О. А. Кривцун. — Режим доступа : <http://o-krivtsun.narod.ru/article-01.htm>.
10. *Сазонова Л. И.* Л. Мюллер. Понять Россию : историко-культурные исследования / Л. И. Сазонова // Вопросы философии. — 2002. — № 6. — С. 185—188.
11. *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире : дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения / С. М. Усманов // Интеллигенция и мир. — 2014. — № 4. — С. 20—32.
12. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурология : традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. — Москва : Флинта, 2012. — 301 с.
13. *Riasanovsky N. V.* A parting of ways : government and the educated public in Russia, 1801—1855 / N. V. Riasanovsky. — Oxford : Clarendon Press, 1976. — 323 p.

Literary Elite in Processes of Socio-Cultural Modernization of Russia in 1830—1850: Main Identificational Features and Peculiarities of Status and Role Identification

© **Arzhanykh Tatyana Fyodorovna (2017)**, PhD in History, associate professor, Department of Humanitarian Disciplines and Natural Sciences, Russian Economy University named after G. V. Plekhanov (Ivanovo branch) (Ivanovo, Russia), maler37@mail.ru.

The process of formation of bases for self-identity are investigated as well as attribute characteristics of the humanitarian-artistic intelligentsia of Russia in 1830—1850. Specific features of the particular inter-class group of intellectuals of intelligentsia reflection are distinguished. The author identifies the self-identity of the noble intellectual elite outside the public service and a way of self-expression in literature as the key moments which determined the fate of pre-revolutionary Russian intelligentsia as a whole. A clear correlation between the development of public thought and literature, typical for the 19th century, is mentioned. Special attention is paid to understanding the innovative role of the literary elite in the processes of socio-cultural modernization. Objectives of the study determined the certain stratum of exploratory analysis: the study of linguistic structures and speech practices — discourses that existed among educated communities in 1830—1850. Socio-political and psychological factors that influenced the choice of axiological meanings and behaviour patterns of various reference groups of literary and historiographical orientation are analysed. Socio-philosophical analysis of the spiritual experience of the Russian culture revealed the phenomenon of intellectual history — a contemplative-philosophical linguistic social code and variations of communicative-cognitive relationship to the world of Russian intellectuals. Russian dominant of social consciousness is explored as a social phenomenon and objective representative of the realities of culture. Connotative, additional meaning to the antithesis of “Russia — West” are examined in the context of raising the national question in philosophical variations and personal associations of the authors of psycho-mental models of world construction.

Key words: modernization; intelligentsia; literature; Russia.

References

- Akulshin, P. V. 2001. *Vlast' i obshchestvo v doreformennoy Rossii*. Moskva : Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.).
- Arzhanykh, T. F. 2013. Vlast' i obrazovannoye obshchestvo v Rossii 1830—1850-kh godov: literaturnyy farvater vzaimootnosheniy. *Sotsium i vlast'*, 5: 107—113. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. 1988. Istoricheskaya nauka i istoricheskaya antropologiya. *Voprosy filosofii*, 1: 56—70. (In Russ.).
- Gusserl', E. 1998. *Kartezianskiye razmyshleniya*. Sankt-Peterburg: Nauka; Yuventa. (In Russ.).
- Kabanova, L. I. 2011. Germenevticheskaya metodologiya issledovaniya fenomenov sovremennoy kultury. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 8 (14), IV: 74—77. (In Russ.).
- Kappeler, A. 2000. *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya : Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad*. Moskva: Traditsiya—Progress. (In Russ.).

- Krivtsun, O. A. *Khudozhnik v istorii russkoy kultury: evolyutsiya statusa*. Available at: <http://o-krivtsun.narod.ru/article-01.htm>. (In Russ.).
- Riasanovsky, N. V. 1976. *A parting of ways: government and the educated public in Russia, 1801—1855*. Oxford: Clarendon Press.
- Sazonova, L. I. 2002. L. Myuller. Ponyat' Rossiyu: istoriko-kulturnyye issledovaniya. *Voprosy filosofii*, 6: 185—188. (In Russ.).
- Shaklein, V. M. 2012. *Lingvokulturologiya: traditsii i innovatsii*. Moskva: Flinta. (In Russ.).
- Usmanov, S. M. 2014. *Intelligentsiya i intellektualy v sovremennom mire: diskussii o problemakh i tendentsiyakh samoopredeleniya. Intelligentsiya i mir*, 4: 20—32. (In Russ.).
- Valitskiy, A. 1991. V krugu konservativnoy utopii. In: *Paralleli: (Rossiya — Vostok — Zapad): almanakh filosofskoy komparativistiki, 1*. Moskva: Filosofskoye obshchestvo SSSR, institut filosofii AN SSSR. (In Russ.).
- Zorin, A. L. 2004. *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII — pervoy polovine XIX veka*. Moskva : Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).